

ГИЛЬГАМЕШ, сын Лугальбанды

ШУМЕРСКИЙ ЭПОС В ПЕРЕСКАЗЕ

Анджея Иконникова-Галицкого

Limbus Epika

Эпосы, легенды и сказания

**Гильгамеш, сын Лугальбанды.
Шумерский эпос в пересказе
Анджея Иконникова-Галицкого**

«Издательство К.Тублина»

2022

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Эпосы, легенды и сказания

Гильгамеш, сын Лугальбанды. Шумерский эпос в пересказе
Анджея Иконникова-Галицкого / Эпосы, легенды и сказания —
«Издательство К.Тублина», 2022 — (Limbus Epika)

ISBN 978-5-8370-0922-8

Перед вами первое из созданных человеком и сохранившихся до наших дней литературных произведений. Четыре с половиной тысячи лет отделяют нас от Гильгамеша и автора первых сказаний о нём. Прозаическое переложение одного из величайших памятников мировой литературы создал и прокомментировал историк и писатель Анджей Иконников-Галицкий, приблизив древнейший эпос к современному читателю. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0922-8

© Эпосы, легенды и сказания, 2022
© Издательство К.Тублина, 2022

Содержание

Предварительное слово	7
Вначале	8
Когда небо стало вверху, а земля внизу...	8
Родословная героя	14
Гильгамеш возводит стену Урука	16
Гильгамеш побеждает Агу, царя Киша	19
Подвиги	25
Сотворение Энкиду. Гильгамеш обретает друга	25
Дерево Хулуппу, Гильгамеш, Энкиду и подземный мир	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анджей Иконников-Галицкий Гильгамеш, сын Лугальбанды

© А. Иконников-Галицкий, пересказ, 2022

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2022

© Е. Веселова, иллюстрации, оформление, 2022

Предварительное слово

Тут нам недавно вспомнилась одна древняя-предревняя сказка. Её начали записывать где-то в конце III тысячелетия до нашей эры, а устно излагали ещё задолго до этого. Но, в сущности, она хоть и старинная, но вполне актуальная: она про основные вопросы жизни, смерти и бессмертия, и мы не можем удержаться, чтобы не поведать её вам. Только просьба учесть, что эта история приключилась действительно очень давно – почти пять тысяч лет назад. За истекшее время в сюжетной канве вполне могло что-то запутаться и перепутаться. К тому же сию легенду первоначально рассказывали на совсем не русском языке, а потом на других языках, ещё более не русских. Так что мы знакомимся с данным повествованием не в подлиннике, а в переводах, сделанных учёными людьми в XX и XXI веках от Рождества Христова.

Перечислим имена этих учёных в хронологическом порядке.

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко, ассириолог, шумеролог, поэт и, между прочим, второй муж Анны Ахматовой.

Игорь Михайлович Дьяконов, лингвист, историк, великий знаток Древнего Востока; без всякого преувеличения – светило русского востоковедения. Его перевод поздней (вероятно, конец II тысячелетия до нашей эры), «ниневийской» версии сказания, сделанный с аккадского языка, мы взяли за основу большей части нашего изложения.

Владимир Аронович Якобсон, ученик и сотрудник Дьяконова, ассириолог, шумеролог.

Вероника Константиновна Афанасьева, историк и поэт, блистательный переводчик поэтических текстов с шумерского и аккадского языков.

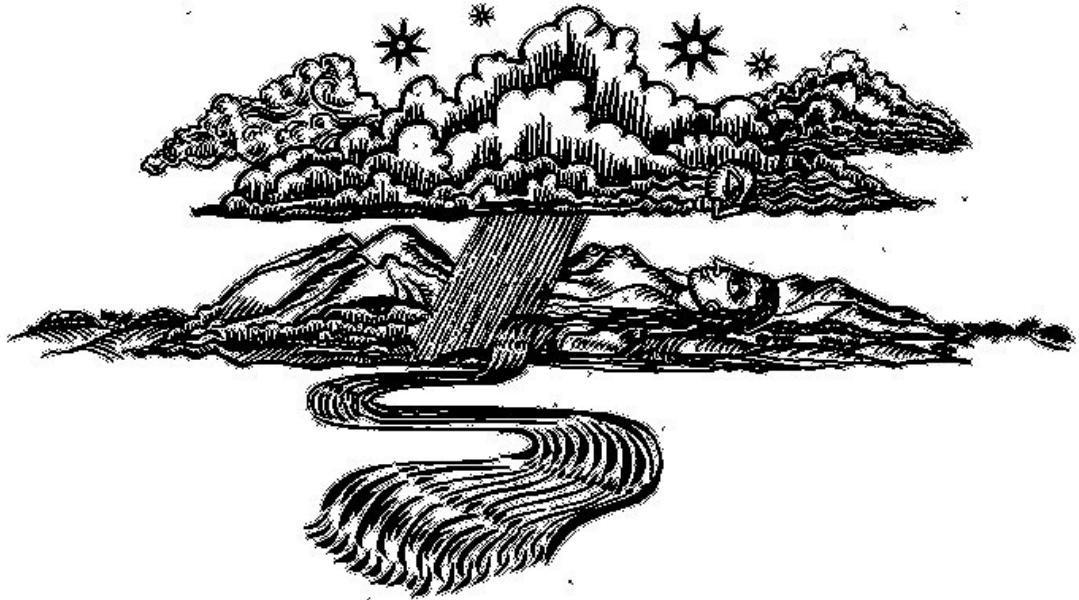
Рим Маратович Нуруллин, современный исследователь древнеближневосточной литературы.

Надо сказать, что вышеперечисленные выдающиеся специалисты, читая древние тексты на давно исчезнувших языках, сталкивались с огромными трудностями, о которых будет вкратце рассказано в комментарии, в главе «Время и место действия». Многое в их переводах предположительно, условно, представляет собой догадки и гипотетические реконструкции. Этот факт тоже просим иметь в виду, если в нашем рассказе что-то вам покажется странным, нелогичным или маловероятным.

Ко всему прочему, со времени предлагаемого действия уткло ужасно много исторической воды и произошли существенные изменения в образе жизни человечества. Поэтому возникла необходимость добавить к повествованию комментарий, в котором приводятся сведения о реалиях того времени и тамошних мест. А малопонятные имена, названия и термины собраны и кратко разъяснены в небольшом словарики в конце книги.

Вначале

*Яко возвеличишися дела Твоя, Господи,
вся премудростию сотворил еси!*
Псалом Давида 103:24

Когда небо стало вверху, а земля внизу...

*Когда небо вздыбилось над землёй, вот когда,
Когда земля легла под небом, вот когда,
Когда семя жизни зародилось, вот когда,
Когда Ан решил небо утащить, вот когда,
Когда Энлиль задумал землю забрать, вот когда,
Когда Энки под землёй проплыл, вот когда,
Когда рты научились жевать хлеб, вот когда...*

Из древнего шумерского сказания

Давным-давно, так давно, что тогда небо вверху ещё никак не называлось и твердь внизу не имела имени, случилось вот что.

Был тогда Апсу, некто такой Первородный, который неизвестно как выглядел и откуда взялся. И была Тиамат. И она имела силу принимать, а он имел силу оплодотворять. И вот он и она соединялись и смешивали воды свои вместе – не над и не под, нигде и везде, не зная времени. И вот тогда, когда не существовало ещё болот и тростниковых зарослей, змей и улиток, рыб и цапель и острова не отделились от моря, когда и богов-то не было, и никаких имён, и названий, и судеб не было, и ничто ни из чего не следовало, – вот тогда они, Апсу и Тиамат, всласть смешивали свои воды и по-всякому соединялись. Так продолжалось неведомо сколько. И от этого внутри них образовались такие Лахму и Лахаму.

И вот появились такие двое, и их назвали, им дали имена: Лахму и Лахаму.

А мать и отец, породив их, пришли в изнеможение и уснули.

Близнецы росли-росли, долгие века росли – и выросли. И от них образовались ещё Аншар и Кишар, не мужчина и не женщина, а оба – и то и другое, которые были ещё больше, чем их предки, и ещё дольше росли и приходили в силу. А от них уже родился Ан, равный своим родителям, вместе взятым. Ан – первенец Аншара, и Аншар сделал его во всём себе подобным. А от Ана появился ему подобный Нудимудд. Этот Нудимудд стал больше всех своих отцов. Его уши открыты всякому звуку, он ужасно мудр и страшно могуществен – могущественнее даже деда Аншара. Ему нет равных среди братьев.

Так появились боги. Их стало много. И вот как-то раз они сошлись все вместе, побежали навстречу друг другу, напились пива на радостях, стали прыгать, плясать, топтать ногами и махать руками. Они веселились, плясали и топали так, что разбудили Праматерь Тиамат, расшевелили её, растревожили её утробу. Плясками они раскачали средоточие сердца небес, так что проснулся Апсу, стал ругаться, но не мог уговорить их. А Тиамат молчала и терпела, хоть и видела, что её прапраправнуки безобразничают, но, как женщина, потакала им. А Апсу, глядя на это, злился.

Тогда Апсу, прародитель богов, вызвал своего друга и советника Мумму и говорит ему:

– Привет, Мумму, мой друг и советник! Ты один всегда радуешь моё сердце! Пойдём вместе к Тиамат, потолкуем кое о чём!

Они пошли в дом Тиамат и уселись перед ней, повели речь о богах, своих первенцах. Апсу отверз уста и сказал чистой Тиамат:

– Слышишь, мать, твои детёныши напились пива и безобразничают. Их топот и гам причиняют мне беспокойство! Нет мне ни сна, ни отдыха ни днём ни ночью. Вот я возьму и уничтожу их совсем, разобью их вдребезги, сотру в пыль, утопчу в глину, и снова заживём мирно, и снова будем спать спокойно!

Услышав такое, Тиамат возмутилась. Она очень разволновалась, набросилась на своего мужа с воплями и укоризнами:

– Дурачина ты, старый бездельник! Что ты, старый, совсем из ума выжил?! Как можем мы уничтожить то, что сами родили? Пусть они непутёвые, пусть они безобразники, но это же наше порождение! Надо терпеть, придётся смириться. Ему бы только почивать – ишь чего удумал!

Апсу заткнул уши и хотел убраться восвояси. Но хладнокровный Мумму решил помочь ему советом. Опасен был совет Мумму.

– Отец мой, кто хозяин в доме? И кто смеет досаждать хозяину? Уничтожь их, отец мой, конечно, уничтожь их вместе с их дурными делишками! И будешь опять проводить дни в мире, ночи в покое.

Апсу услышал – прямо-таки просветлел ликом. Ибо зло закипело у него в душе против своих порождений. Приобнял он Мумму, посадил на колени, приласкал, сказал:

– Умница! Хороший мальчик.

Вот так они вдвоём и порешили, и сообщили о том богам, своим первенцам. Что, мол, Апсу их уничтожит, вдребезги расколотит, в пыль сотрёт. Услышали боги, заметались, притихли, затаились – сидят тише воды ниже травы. Боятся.

Но среди богов был Энки – разумом мудрый, очень хитрый, искусный на всякие проделки. И вот всезнающий Энки придумал такой выход из положения. Он в своих мыслях создал образ слова, завершил его и закончил. Он сотворил сильное заклинание, возгласил, повторил громозвучно и отправил в Изначальные воды. Из вод излилась дремота неодолимая, окружила, обволокла Апсу, и он уснул непробудным сном. И даже осторожного Мумму, коварного советника, охватило сонное оцепенение. Тогда Энки снял с Апсу царский пояс, стащил с головы светозарную шапку. Он овладел сиянием Апсу, в котором его власть и бессмертие. И тогда самого Апсу он убил, а Мумму связал, потащил на верёвке, сбросил в преисподнюю и запер на засов.

Тиамат, видя гибель мужа от руки своего порождения, возмутилась, и восскорбела, и заклала своё потомство:

– Как ты сделал отцу твоему, так и тебе будет в конце времён. Все вы, рождённые мною, будете враждовать, пока не погибнете. И всё вами рождённое и созданное погибнет, как Первозданный.

Заклятием Тиамат вражда и смерть вошли в мир. И будут царствовать над всем сущим, пока Первозданный не воскреснет и Праматерь не снимет своего заклания.

А над трупом Апсу решил Энки построить великое здание под названием Апсу, чтобы поселиться в нём и зажить на славу с женой и другими богами.

И началось строительство великого храма.

Боги принялись за работу: ломали камень, лепили кирпичи из глины, таскали тяжёлые корзины с землёй. Корзины богов были огромны, труд тяжёлый, пот лился с них градом.

Тогда семь верхних богов – они называются Аnunнаки – возложили бремя труда на нижних, Игигов. А сами ударили по рукам, кинули жребий, поделили власть над миром. Ан, отец их, стал владыкой неба. Энлиль – первым в совете и военачальником. И он владеет земной твердью. Управляющим хозяйством сделался Нинурта. Надсмотрщиком над работами – Эннути. Исходы и врата вод получил Энки.

Ан забрался к себе на небо, Энки спустился в свои глубины, Энлиль уселся на престоле на земле. А весь тяжкий труд Аnunнаки свалили на Игигов.

Принялись Игиги копать, таскать землю и строить. Вот они трудятся без отдыха и срока днём и ночью. Прокопали реки, вырыли каналы. Реку Тигр они прокопали, реку Евфрат проложили они же. Они работают и в воде, и под водой, и в болотах и топях, и на земле, и под землёй. Это они возводят жилище для Энки.

И так они строили-строили – и построили дом Апсу для Энки, чтобы он там жил и прохлаждался с женой. Высоченный дом построили. А для Энлиля построили дом Э-Кур. Тоже большой, ещё больше.

Десять лет они работали как проклятые.

Двадцать лет трудились без передышки.

Тридцать лет вкалывали, не зная отдыха.

Годы и годы тяжко трудились. И вот они задумались и подсчитали, сколько лет они так корячатся на земле и под землёй, в воде, болотах и топях. Годы труда они подсчитали. Оказалось – две с половиной тысячи лет.

Тут уж Игиги возмутились. Они сошлись толпой, махали ручищами, кричали, наливаясь злобой. Они шумели прямо там, где работали, – в своих канавах и ямах:

– Мы требуем управляющего! Хотим начальника увидеть! Хватит нам ишачить или заплатите за работу! Где Энлиль, советник богов, военачальник? Где его приспешники? Пойдём разыщем самого Энлиля! Поговорим с ним по-свойски. Пойдём разыщем его жилище!

Они сожгли свои лопаты, спалили свои корзины. Вылезли из нор, взялись за руки, с гордо поднятыми головами дружно пошли к святым воротам дома военачальника Энлиля. В середине ночной стражи, в самую полночь, подошли, окружили Э-Кур со всех сторон. А Энлиль отдыхает, ничего не ведает. Его дворец окружён, а он не знает, спокойно поживает. Только его телохранитель Калькаль услышал шум, забеспокоился, побежал выяснять, в чём дело. Открывает засов, выглядывает – и видит: толпа окружила дом, все злые, глаза жёлтые от злобы. Орут:

– Нас заставляют горбатиться на стройке, а сами прохлаждаются во дворцах! Нас гробит непосильное бремя! Мы ведь тоже боги, не хуже тех!

Калькаль разбудил вестового Нуску, тот ахнул, пошёл будить господина. С постели его поднял.

– Господин мой, твой храм окружён! Подошла война к твоим воротам!

Энлиль проснулся, ничего понять не может. Испугался, сидит на своём ложе, не знает, что делать. Нуску пытается привести его в чувство:

– Хозяин Энлиль, что это ты такой бледный? Ты, что ли, родни своей боишься? Позови-ка Ана, пусть он с небес спустится. Позови Энки, пусть выйдет из своих пещер.

Очухался Энлиль, послал за богами-братьями, Ан к нему спустился, Энки вынырнул, собрались все большие Ануннаки. Ан, владыка неба, сел на горнее место как председатель. Энлиль повёл доклад, изложил дело.

– Вот что ныне здесь случилось. Что же делать? Не пора ли взяться за оружие? Подошла война к моим воротам!

Ан уста свои отверз, говорит Энлилю:

– Отчего это Игиги твой дом окружили, ломаются в ворота? Прикажи-ка ты, братец, своему вестовому, чтобы он пошёл к ним, узнал причину!

Энлиль:

– Слышишь, Нуску? Ступай.

Нуску взял своё оружие, пошёл, долго вёл переговоры с Игигами. Возвращается, кланяется, докладывает хозяину:

– Господин мой, ты посылаешь меня к бунтовщикам, вот я вернулся. Приношу ответ, излагаю дело. Все они как один тебе войну объявили. Вот что они сказали, слово в слово: «Все как один идём к Энлилю, несём нашу волю! Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть

свою горькую участь и молчать. И мы терпели, но нас толкают всё дальше в омут нищеты, бесправия и невежества! Нас душат деспотизм и произвол! Мы задыхаемся! Нет больше сил. Настал предел терпению. Лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Энлиль услышал такие речи, и из глаз его покатались слёзы. Утёр он их, обращается к председателю Ану:

– Ты старший среди нас, ты обитаешь на небе, откуда нисходят законы. Дай нам всем благой закон, покажи свою силу! Порази Игигов! Побей их!

Ан уста свои отверз, говорит богам-братьям:

– За что, собственно, мы на них злимся, а они на нас? Их труд и правда тяжёл, и кругом у них одни невзгоды. Каждый день они таскают тяжеленные корзины, горько плачут, так что даже мы слышим. Я думаю вот что: пусть Праматерь создаст род каких-нибудь подвластных, назовём их, например, человеками. И мы бремя богов на них возложим. Я так думаю.

Тогда Энки отверз свои уста:

– Всё верно. Их труд тяжёл, кругом одни невзгоды. Каждый день они таскают корзины. Они горько плачут, их стенанья мы слышим. Пусть Ануннаки пред тобой все сядут по порядку, и Праматерь богов придёт тоже. Пусть она сотворит подобного нам человека. Мы на него возложим ту тяжесть, которую теперь таскают на себе боги. Корзины богов пусть носит он, человек!

Вызвали Праматерь Намму-Тиамат, повитуху богов, мудрейшую Мами. Она не поленилась, пришла в сопровождении свиты – богинь рождения. Вот женщины явились, а Энки им и говорит:

– Праматерь, у тебя сила творить и зачинать! Мы тут посоветовались и решили: сотвори-ка ты человека, чтобы было кому для нас строить и таскать тяжести! Пусть ему достанутся труды, которые назначил Энлиль! Пусть трудится он, человек!

Намму уста свои отверзла, говорит собранию богов:

– Так-то оно так, но я не могу сотворить в одиночку. Только вот с ним, с Энки. Только он оживляет. Пусть он живой глины мне даст – и я исполню!

Энки отверз свои уста, говорит богам великим:

– Отлично! В первый же месяц, в день седьмой и пятнадцатый, я совершу обряды очищения. Но только вот что: одного кого-то из богов должно будет повергнуть, рассечь и кровь выпустить. Все остальные боги окунутся в его кровь, его кровью омоются и очистятся. Из его плоти, на его крови намешает Намму живой глины. Воистину: смертное и бессмертное, божье и человеческое соединятся, смешавшись в глине!

И всё собрание, Ануннаки великие, ответило:

– Да! Так будет!

На том порешили, послали ответ Игигам и помирились с ними.

В первый же месяц, в дни седьмой и пятнадцатый, Энки совершил обряды очищения. Из своих братьев они выбрали Премудрого бога, убили, рассекли, кровь собрали в ванну, омылись в ней. Из его тела, на его крови замесила Праматерь глину. Месила она её, месила, а Игиги, великие боги, своей слюной глину размачивали. И вот Мами, всеобщая Праматерь, отверзла уста и говорит всем богам великим:

– Вы приказали – я совершила. Теперь я вас избавила от работы, все ваши корзины отдала человеку. Но учтите: не снято моё заклятие, я всё ещё скорблю по мужу. Эта скорбь перейдёт в человека. Он будет смертен, и будет всю жизнь скорбеть и страшиться смерти, и рано или поздно восстанет на вас, хранителей миропорядка. Когда это случится – не знаю, нескоро. А до тех пор он и его род будут исправно служить вам.

Они все бросились к ней, поклонились в ноги.

– Какая ты молодец, великая Намму! Прежде мы тебя называли Мами, теперь наречём Владычицей Богов!

Тут прибежали богини рождения, собрались все вместе перед ней, перед матерью, натоптали глины. А Энки сел рядом творить волшебные слова, заклинания. И она начала возглашать заклинания, которые ей подсказывал Энки. Когда же завершились волшебные речи, отломила она четырнадцать ломтей глины: семь положила направо, семь положила налево. И кирпич посередке между ними.

– Ну-ка, режьте пуповину, как режут косу! Пуповину режьте!

Склонились богини рождения, соединились в мудрости и познании – семь богинь и ещё семь богинь. И сотворили семь человек – мужчин. И ещё семь человек – женщин. Соединили их попарно. А Мами изрекла закон судьбы для людей:

– В доме рожающей во время родов пусть на семь дней будет установлен кирпич. Владычицу Богов, премудрую Мами пусть славят! Повитуха пусть радуется в доме, где роды! Пусть растут у женщины груди с сосцами, пусть борода растёт у мужчины, на щеках юноши пусть пробивается пушок. Пусть отныне и вовеки жена с мужем возлягут и будут совокупляться.

Умыли руки и ноги богини рождения. Села Намму-Тиамат, подсчитала сроки. И объявила судьбу: женщине родить на девятый месяц после соития с мужем. И когда пришёл девятый месяц, в назначенный срок отверзла женщине утробу. И повязала платок на голову, и радостно сама совершила повивание. Опоясала чресла, благословила, муки насыпала, кирпич поставила.

– Это я сотворила, мои создали руки! Когда супруг на ложе возляжет, пусть спит жена с супругом вместе! Во время замужества и женитьбы пусть Инана в доме свёкра ликует! Девять дней пусть продлится праздник!

Были созданы первые люди. И размножились, наполнили землю и продолжили работу богов. Прорыли каналы, построили города и храмы. Сделали цветущей страну Ки-Энги.

Примерно так всё начало быть, что начало быть, согласно научным воззрениям древних шумеров.

Родословная героя

Боги рождались, и умножались, и заселили всё небо и преисподнюю, а люди расплодились по земле. А иногда человеческие женщины зачинали от богов, а мужчины сходились с богинями. Всякое бывало.

А дальше случилось вот что.

Когда боги разошлись по домам, Энлиль в своём Э-Куре снова возлёг на ложе с женой Нинлиль, и она зачала.

От Энлиля и Нинлиль, которая дарит силу и радость, произошёл Нанна, или Суэн, – Месяц, Небесный Бычок.

От Нанны и богини Нингаль, толковательницы снов, произошёл Уту – Солнышко, устроитель светлого времени суток. И Волшебная Инана произошла от них же.

Это было до потопа.

После потопа от Уту произошёл Мескиаггашер. Он стал домоправителем Э-Аны, дома бога Ана, и первым царём Урука.

От Мескиаггашера произошёл Эн-Меркар, царь и жрец, который отстроил город Урук близ храма Э-Ана; он тоже сын Уту. Он ходил в поход далеко на восток, за тридевятье горы, в царство Аратта, чтобы добыть камня для строительства храмов Урука. Он пришёл в ту страну и потребовал камня, а царь той страны в обмен потребовал от него столько же по весу пшеницы. Тогда цари стали тягаться: кто загадает загадку, которую не разгадает противник, тот и победил. Загадывали они, загадывали и передавали загадки через послов, но всякий раз находился ответ. Пока, наконец, Эн-Меркар не придумал такую хитроумную загадку, что послы не могли запомнить её. И он, царь Урука, взял кусок глины и изобразил свою загадку ребусом на глине. Так появилось искусство письма, а царь Аратты проиграл, поклонился богам Урука и отдал всё требуемое.

От Эн-Меркара произошли Думузи-рыбак и Лугальбанда-пастух; он тоже воевал против царства Аратты. Его женой сделалась Нинсун, богиня, дочь Ана, который на небе.

Лугальбанда – это тот, кого называли «молодой вождь». Он, Лугальбанда, отправился в поход за тридевятье горы с войском Эн-Меркара. По пути он занемог так сильно, что отстал от войска и лёг умирать. Но вспомнил своего прародителя Нанну, и выздоровел, и сказал: «Тополь евфратский, ствол великий, словно скипетр, для тебя подрастает. Справедливость, оковы смерти разбей!» За это Нанна перенёс его к войску, и войско под предводительством

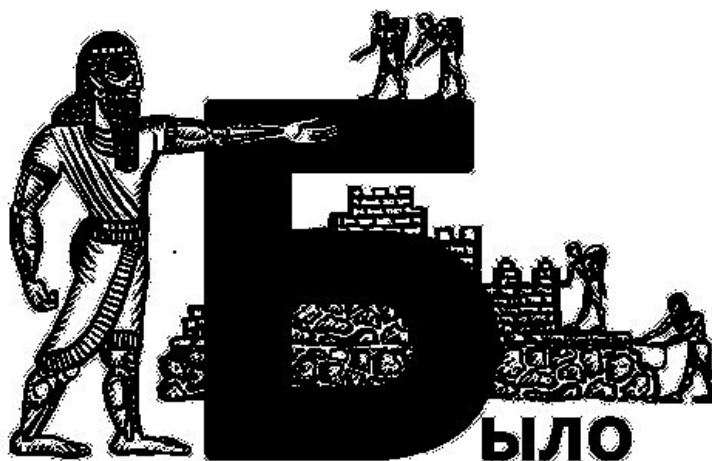
Лугальбанды победило царство Аратты. И они вернулись с добычей, и Лугальбанда стал во главе Урука.

От Лугальбанды и Нинсун произошёл Гильгамеш.

Правда, иные утверждают, что Нинсун зачала Гильгамеша не от мужа (а у неё были мужья и до Лугальбанды), а от духа в храме её отца Ана. А другие говорят – от беса.

Так явился на свет Гильгамеш, сын Ана-Неба, Энлиля-Владыки, Нанны-Месяца, Уту-Солнышка и храмового беса, и рос, и вырос могучим, сильным, буйным, неуёмным. Он стал жрецом-эном в храме Э-Ана и был избран вождём-лугалем Урука.

Гильгамеш возводит стену Урука

Было три города по соседству: город-храм Э-Ана, Кулаб и Урук. Они стояли на трёх холмах близ Евфрата, в семи днях пути от Нижнего моря. Ими, всеми тремя вместе, правили жрецы и старцы, и были у них цари. Но жители этих трёх городов сказали:

– У нас было три царя. Мескиагташер, домоправитель в Э-Ане, заставил наших дедов работать на постройке храма. Эн-Меркар гонял наших отцов в далёкий поход в тридевятую Аратту за какими-то камнями. Лугальбанда надоел нам своими сказками про Нанну, Небесного Бычка. Зачем нам сильные владыки? Долой царя! Да здравствует свобода!

Как сказали, так и сделали. Не стало у них царя, и тут же пошли споры, и раздоры, и делёж земли, и смуты, и восстал род на род, и не было у них правды. Молодые мужи дрались и убивали друг друга из-за неправильно проведённой межи. Воры забирались в дома честных людей, пока те были в поле. Лихие люди повадились приходить из пустыни, угоняли скот. Сосед лазал в сад к соседу, чтобы назло подрубить лучшую смоковницу. Никто не хотел чистить каналы и строить плотины, вода перестала поступать на поля, настал голод. В общем, беда.

Тогда собрались люди трёх городов на площади перед храмом, три дня шумели и спорили и наконец решили:

– Боги за что-то прогневались на нас, сами не знаем за что. Наслали на нас голод, воров и лихих людей. Придётся избрать правителя, угодного богам. Пусть это будет Гильгамеш, сын Лугальбанды (хотя иные говорят, что он сын храмового беса). Он человек могучий, сильный, грудь колесом, борода чёрная, курчавая. У него предки – боги Уту, Нанна, Энлиль. И мать у него умная, богиня Нинсун, если что, пойдём к ней за советом.

И старцы Кулаба со старцами Урука посоветовались и сказали:

– Из всех зол выбирают меньшее. Пусть уж правит нами Гильгамеш, сын Лугальбанды, чем нам умереть с голоду. Он человек молодой, бодрый: вон борода – до пупа. И мать у него умная, богиня Нинсун. Пусть он будет жрецом, эном Кулаба, тем более что у него в роду сильные боги.

Так Гильгамеш, жрец Э-Аны, стал эном Кулаба. А потом и все люди трёх городов избрали его вождем – лугалем.

И он стал править тремя городами: утвердил межи, переловил воров, прогнал разбойников далеко в пустыню, организовал расчистку каналов. Вода снова пошла на поля, земля стала

родить, голод прекратился. Так он правил разумно, только уж очень падок был на женщин: не давал проходу ни мужним жёнам, ни девицам. А так – правил разумно.

Надо сказать, и женщинам трёх городов он сильно нравился: такой большой, могучий, бородатый. И поговорить умеет. У него, кстати, дар слагать песни и заклинания. Это, видимо, от хитроумного Энки или от Нинсун, дочери Ана, у него такая способность.

Гильгамеш был человек неуёмный. И он подумал: «Правитель города Киша хочет взять власть над всем Евфратом и над нами. Кругом ходит много лихих людей. Они нападут на нас – а у нас нет надёжной защиты. Надо строить ограду вокруг трёх городов, чтобы основание её было из камня, стены из дерева и обожжённого кирпича и чтобы враги не могли преодолеть её».

Он подумал-подумал, встал и пошёл в дом бога, в Э-Ану, созвал старцев. Собрались старцы трёх городов, а он и говорит им:

– Правитель Киша хочет взять власть над всем Евфратом и над нами. Кругом ходит много лихих людей. Они нападут на нас – а у нас нет надёжной защиты. Не надо ли нам построить ограду вокруг трёх городов, чтобы основание её было из камня, стены из дерева и обожжённого кирпича? Тогда враги, если и осмелятся напасть на нас, не смогут преодолеть её и уйдут с позором.

Старцы посоветовались, покивали, покачали головами и отвечают:

– Молодой ты ещё. Дело это серьёзное. Правитель Киша занят: у него много врагов в собственном доме, он не сможет добраться до нас. От лихих людей пустыня – самая надёжная защита. Тем более ты же сам прогнал их куда подальше. Не надо нам строить ограду вокруг всех трёх городов, чтобы основание её было из камня, стены из кирпича. Никто в обозримом будущем не осмелится напасть на нас. А строить стену – тяжкое бремя для всего народа.

Гильгамеш выслушал старцев и вежливо говорит им:

– Хорошо, идите.

И как только те разошлись по домам, созвал на площадь своих сверстников, добрых молодцев, неженатых бойцов, воинов трёх городов. А тем стало скучновато жить, после того как Гильгамеш навёл в государстве порядок. И он говорит им:

– Вот что, молодцы. Правитель Киша хочет взять власть над всем Евфратом и над нами. Кроме того, кругом ходит много лихих людей. Они нападут на нас – а у нас нет ничего, кроме наших топоров и копий. Я так думаю, что надо построить ограду вокруг всех трёх городов, чтобы основание её было из камня, стены из обожжённого кирпича. Тогда враги, когда нападут на нас, растратят попусту силы, попытаюсь преодолеть стену, а мы выйдем и побьём их, и будем гнать их и лупить, и повеселимся всласть.

Добры молодцы, которым до этого было скучновато в своих домах, загалдели, зашумели, размахались руками:

– Да! Конечно! Верно говоришь! Надо построить ограду из кирпича и камня, и побить врагов, и гнать их, и лупить, и вообще как следует повеселиться!

– Так что ж, будем строить? Мы так решили?

– Да! Мы будем строить! Мы так решили!

– И вы все будете слушаться меня как сына богов?

– Да! Мы все будем слушаться тебя как сына богов!

– Тогда пройдите по домам всех жителей трёх городов, скажите каждому: отныне всякий, способный копать землю и таскать корзины, три месяца в году будет работать на постройке ограды! А кто откажется, того гоните из дома вон, пусть уходит в пустыню, пусть его там съедят дикие звери!

И молодцы прошли по домам и собрали всех, кто может таскать корзины. А Гильгамеш разделил их на отряды, на десятки и сотни, поставил над ними начальников, распределил работы, и они начали строить.

И он сам, Гильгамеш, составил заклинания, запел песни богам, воскурил благовония, заколол овец и быков. Жир и лучшие части сжёг на алтаре, принёс в жертвы богам, своим предкам, а остальное ел перед богами, и с ним ели десять тысяч молодцев Э-Аны, Урука и Кулаба. А сердце и печень самого тучного тельца Гильгамеш съел сам и жиром помазал волосы и бороду. И потом обошёл вокруг всех трёх городов, обвёл их одной чертой, и она протянулась на три часа пути. И велел рыть канавы вдоль этой черты. А потом отправил пять тысяч своих молодцев в восточные горы за лесом. А сам взял ещё пять тысяч мужей, снарядил лодки и пошёл вверх по Евфрату, в северные горы, за камнем. И когда принесли люди его лес, а сам он привёз камень, и когда были выкопаны канавы вдоль священной черты, стали они строить ограду: основание её из камня, стена из деревянных клетей, набитых хорошо высушенными сырцовыми кирпичами, облицовка в три ряда обожжённых кирпичей.

Они тяжко трудились на палящем солнце, они копали землю, таскали корзины, месили глину, как боги Игиги. Они пилили огромные камни, складывали основание стены. Они лепили кирпичи, отбивали их, высушивали на солнце, а другие кирпичи обжигали в жарких печах. Они сколачивали клетки из стволов дерева, набивали их землёй и сырцовыми кирпичами. Они работали три года. И построили стену высотой тридцать локтей, протяжённостью три часа пути вокруг трёх городов – Э-Аны, Урука и Кулаба, а низ стены обложили красивым камнем.

Так три города соединились в один, и он стал называться Урук, а если торжественно, то Ограждённый Урук. Или Урук Овчарня, Амбар Инаны.

В те времена только у Урука была такая великая стена, и построил её Гильгамеш.

Поднимись на стену Урука, пройди по ней. Рассмотрю её основание, осмотрю кладку. Её кирпичи обожжены – все как один. Её основание рассчитано мудрецами. Отомкни семь медных замков, сними девять тяжёлых щеколд, открой кедровый ларец, отвори двери, хранящие тайну. Возьми в руки пластину из лазурного камня – на ней записаны подвиги и чудеса Гильгамеша.

Гильгамеш побеждает Агу, царя Киша

В те времена самым сильным городом на севере Ки-Энги был Киш на Евфрате. А на юге – Ограждённый Урук.

В Кише властвовал бог Забаба, а правил лугаль Ага, сын Мебарагеси. Он ведёт свой род от Этаны, который летал под небом на орле. Отец его, эн Мебарагеси, ходил походом в страну Элам и поразил оружие эламитян, привёз оттуда много камня и меди и потом построил дом бога Энлиля в Нипшуре. А сам Ага построил Туммаль, дом богини Нинлиль.

Ага очень гордился силой своего рода и города. И до того догордился, что решил взять власть над всем Евфратом и над всеми городами, расположенными ниже Киша по Евфрату. Он сказал:

– От нас приходит вода на поля этих городов и даёт им жизнь. Значит, и власть они должны принять от меня. А если не захотят принять – я поражу их оружием и стены их разрушу, мужей рассеку на части и выброшу псам, а женщин и детей уведу в плен.

Он так распалялся гордостью потому, что его отец привёз из страны Элам много меди. И у него было великое множество мужей-воинов, вооружённых медными копьями и медными топорами, и сотни лодок на Евфрате. И он отправил послов в Урук.

Послы Аги, сына Мебарагеси, пришли из Киша в Урук к Гильгамешу и сказали:

– Да будут боги милостивы к тебе и к твоим людям. Наш царь Ага, сын Мебарагеси и потомок Этаны, который летал на орле, говорит так: «От нас приходит вода на поля твоего города и даёт жизнь. Поэтому ты должен принять мою власть. Если примешь – будешь жить: ты, и твои дети, и народ твоего города. А если не примешь – я поражу тебя оружием».

Гильгамеш – он вот какой. Он знатнее всех царей и всех круче. Он – бодливый бык, крепкое дерево Урука. Когда он идёт впереди – он командир. Когда идёт позади – опора и защитник. Он – твёрдый берег, он – мощная волна, которая разрушит каменную стену. Он – Бычок Лугальбанды, вскормленный Дикой Коровой Нинсун. Он вырыл колодцы, чтобы снабжать водой Урук. Он отстроил дома богов, смытые потопом. На треть он человек, на две трети бог. Вот как!

Гильгамеш выслушал и отвечает:

– Подождите минуточку, мне нужно посоветоваться со старцами.

Пошёл Гильгамеш в храм Э-Ана, собрал старцев и говорит им:

– Послы Аги, царя Киша, пришли ко мне и потребовали изъявить покорность. Они говорят: «От нас приходит вода на поля твоего города и даёт вам жизнь. Стало быть, ты должен принять власть царя Аги». Так вот что я по этому поводу думаю. Чтобы нам ископать колодцы, глубокие и мелкие, большие и поменьше, чтобы нам вырыть колодцы по всей нашей земле, чтобы верёвку привязать к ведру, достать воды из всех колодцев, напоить землю и самим вдоволь напиться... Чтобы, одним словом, обеспечить нашу жизнь и наши желания, мы должны не признавать власть Киша, а, следовательно, воевать с ним. Победа будет за нами. Как вы полагаете?

Старцы подумали, пошушукались и отвечают Гильгамешу:

– Молодой ты ещё. Дело это серьёзное. Чтобы, как ты говоришь, ископать нам колодцы, глубокие и мелкие, большие и поменьше, чтобы нам вырыть колодцы по всей нашей земле, чтобы верёвку привязать к ведру, достать воды и так далее... Чтобы, одним словом, нам было хорошо, мы никак не должны воевать с Кишем и лучше нам признать его власть. А если будем воевать с могущественным царём Киша, то неизвестно, чем это кончится. Победа вряд ли будет за нами. Захватит нас царь Киша, отрубят головы, а тела бросит в канаву. А жён и дочерей уведёт в рабство. Хорошо ли это будет?

Гильгамеш – он верховный жрец Э-Аны, и он надеется на Инану, на её помощь. Слова старцев не пришлись ему по сердцу. Ничего не ответил он, только говорит:

– Ну ладно, ступайте.

Вернулся к послам, сказал:

– Подождите ещё минуточку, я пойду посоветуюсь с моими молодцами.

Пошёл он снова во двор храма Э-Ана, собрал добрых молодцев, мужей Ограждённого Урука. А те уже начали скучать, после того как завершили постройку стены. И он говорит им:

– Вот что я вам скажу. Послы Аги, царя Киша, пришли ко мне и потребовали изъявить покорность. Мол, от них приходит вода на наши поля и даёт нам жизнь. Стало быть, мы должны принять власть царя Аги. Не слишком ли жирно? Я думаю вот что. Чтобы нам ископать колодцы, глубокие и мелкие, большие и поменьше, чтобы нам вырыть колодцы по всей нашей земле, чтобы верёвку привязать к ведру, достать воды из всех колодцев, напоить землю и самим вдоволь напиться... Чтобы, короче говоря, нам ни от кого не зависеть и жить как нам нравится, мы должны не признавать власть Киша, а воевать с ним. Победа будет за нами. Согласны?

Тут молодцы, мужи Урука, которые было начали скучать без большого дела, возмутились, закричали, загалдели, руками стали размахивать:

– Это что ж за наглость такая! Нешто у нас нет медных копий и топоров? Разве мы немощны, как старухи, или прячемся от опасности, как дамамы? Вот как он о нас думает! Не будем принимать власть царя Киша! Будем воевать с Агой!

Гильгамеш тогда крикнул зычным голосом:

– Будем воевать?

И все молодцы, мужи Урука, в ответ возгласили, как один человек:

– Будем воевать! Наше дело правое!

– Тогда клянись слушаться меня как сына богов и выполнять все мои приказы!

– Клянёмся! Клянёмся слушаться тебя как сына богов и выполнять все твои приказы!

– Клянись в этом подземными водами Энки!

– Клянёмся подземными водами Энки!

– Клянись небесным престолом Ана!

– Клянёмся небесным престолом Ана!

– Клянись волшебной утробой Инаны!

– Клянёмся волшебной утробой Инаны!

– Наше дело правое! Мы победим!

Так они порешили воевать с Агой и поклялись всеми страшными клятвами. А Гильгамеш пошёл обратно. По дороге, проходя мимо смоковницы, сорвал плод, ибо это было время созревания плодов. Вернулся к послам и говорит:

– Шли бы вы домой подобру-поздорову. Мы тут посоветовались и решили, что ваш Ага, царь Киша, на очень большой кусок рот разинул. Как бы ему не поперхнуться. Ходят слухи, что он слишком возгордился, из-за того что его отец притащил из Элама много меди. В общем, мы отказываемся признавать его власть. А если он хочет воевать – пусть приходит: и у нас самих топоры и копья найдутся. Наше дело правое. И вот вам плод смоковницы, именуемый фигой: передайте в дар вашему царю от мужей Ограждённого Урука.

Послы отправились восвояси.

А молодцы, мужи Урука, собрались на площади, и Гильгамеш был с ними. Они все вместе принесли жертвы богам и стали плясать, и запели:

– Сидящие, встаньте! Стоящие, бегите!
Шагом марш за военным вождём!
Кто на ослике, кто рядом,
Кто в повозке, кто пешком —
Перед Агой не склонимся!
Киш оружием сразим!
Урук сотворили боги,
Храм Э-Ана – труд небес.
Ануннаки и Игиги
Вместе строили Кулаб.
Мы продолжили их дело,
Небо подперев стеной.
Ты хранитель нашей славы,
Неуёмный Гильгамеш!
Нам тебя назначил Энлиль!
Нам ли горевать с тобой?
Войско Аги малосильно,
Его люди – слабаки!

Тогда возрадовался Гильгамеш, эн Кулаба, лугаль Урука, жрец Э-Аны. Взыграло сердце его, возвеселилась печень. И он тоже запел:

– Ныне мотыгу заменит секира!
Тяжесть кинжала приникнет к бедру.
Медь загорится сиянием славы!
Враг наш увидит кровавый рассвет!
Ага потонет в смертельном сиянии!
Ослепнет, оглохнет и спятит с ума!

Так они пели и прославляли богов с утра до вечера и с вечера до утра. А наутро пошли переделывать мотыги на секиры, точить копья и кинжалы.

А послы Аги вернулись в Киш, привезли ответ Гильгамеша.

Получив ответ Гильгамеша и его дар – плод смоковницы, именуемый фигой, – Ага вознегодовал страшно. Он велел бить послов палками, а сам обрил голову и тело, надел священную одежду, пошёл в храм Забабы и принёс там жертвы. Выйдя из святилища, собрал мужей Киша и сказал им:

– Мужа Киша! Боги прогневались на Урук и отдают в наши руки землю его и людей его. Мы пойдём и поразим их оружием, дома их разрушим, мужей рассечём и бросим псам, а женщин и детей уведём в рабство. Собирайтесь!

И они стали собираться.

Шестьсот лодок по тридцать воинов в каждой – вот сколько сил собрал Ага для похода на Урук! Или что-то около того. А другие говорят: шестьдесят тысяч воинов. Ну, это, я думаю, сильное преувеличение.

И они двинулись вниз по Евфрату, так что река потемнела от множества лодок, а вода в ней запенилась от множества вёсел. И недели не прошло, как они подступили к городу Гильгамеша.

А Гильгамеш стоял на высокой стене Ограждённого Урука и смотрел вдаль. И вот он увидел войско Аги, приближающееся по Евфрату. И ударил себя в грудь, и возгласил, и запел:

– Медь зазвучала!
Сначала
не было у реки причала,
не было у спины плеча, ла —
тунь месяца не бречала,
Анзуд-птица не вешала,
мордой в небо
не мычала корова,
ни пере-, ни недо-,
ни песни, ни слова.
Небо зажгли, как люстру.
Раскинули землю – скатерть.
Словно лучики люди,
Аж рябит на Евфрате.
Катят волны рядами.
Блещут вёсла и локти.
Это к нам гости, радуйтесь!
Без числа лодки, лодки.
В лодках гребцы, глаза их
яры, а на корме-то
сам, подбочась, хозяин:
алый плат, как на смерти.
Ты, хозяин, скажи им:
«В гости, да без подарка!
Вот вам дар: наши жизни!»
К нам на праздник пожалуй-ка!

Войско Аги, царя Киша, подошло к Уруку, его воины высадились на берег, заняли поля и сады в окрестностях. Но Урук был ограждён стеной, которую построил Гильгамеш: длина её – три часа ходьбы, высота – тридцать локтей, основание её – из камня. Воины Киша не могли преодолеть её и расположились станом поблизости. Они окружили Урук, а гордый царь Ага сказал:

– Хорошо, ладно. Эти нечестивые урукиты обнесли свой город стеной, которую мои воины пока что не могут преодолеть. Но мы не будем лезть на стену, а займём земли урукитов, вытопчем их посева, вырубим сады, да ещё и лишим их великого блага – воды. Им нечего

станет есть и пить, они ослабеют, лишатся отваги, и мы возьмём их голыми руками. И тогда рассечём мужчин и так далее.

И они начали осаждать Урук.

Гильгамеш отправился в святилище Э-Аны испросить совета у бога Ана и у Инаны – на них он надеется. А жителей Урука, когда они увидели войско Аги, охватил страх. Они выспали на стену, сверху глядели на воинов Киша и не могли сосчитать, сколько там людей и лодок. Они узрели силу противника и испугались. У некоторых поджилки затряслись от страха. И кое-кто уже готов был сдаваться. А иные, наоборот, рвались в бой. И никто не знал, что делать.

Но вот Гильгамеш выходит из святилища, из храма. Он там посоветовался с богами. Он теперь знает, что делать. Собрал он своих людей и возгласил:

– Люди мои! Мужи Ограждённого Урука! Герои! Зоркие, неустрашимые, верные! Вы клялись могущественными богами в том, что будете слушаться меня! Вы все в один голос кричали, что победа будет за нами! Что же теперь у некоторых из вас затряслись поджилки? Не бойтесь, лучше сделаем вот что. Пусть найдётся среди вас храбрец и силач, и он выйдет за стену, и придёт к Аге, и поразит его своим оружием!

При таких словах мужи Ограждённого Урука опустили головы, примолкли. Многим из них было страшно. Тогда один такой по имени Гиришхуртура выходит из толпы. Он друг и помощник Гильгамеша. Он выходит на середину, все замолкли, все готовы слушать, что он такое скажет. И он говорит:

– Гильгамеш, сын богов, хвала тебе! У многих из нас задрожали поджилки, но не у всех. Ты спрашиваешь, найдётся ли такой храбрец, который пойдёт сейчас к Аге? Воистину, я к Аге пойду! Да смешаются мысли его, да помутится его рассудок!

И вот Гиришхуртура помазывает своё тело маслом, надевает медный шлем, берёт в правую руку боевой топор, на пояс вешает кинжал в ножнах. Вот он обращается к богам, чтобы они помогли ему. Вот он выходит из главных ворот навстречу врагу. Но, как только он вышел из ворот, тут же на него набросились тридцать могучих мужей Киша, навалились, схватили, скрутили – не успел Гиришхуртура даже взмахнуть своим топором, не успел вытащить кинжал из ножен. Они его бьют, рвут на части, выламывают руки и ноги. И вот они его тащат к престолу Аги.

– Ага! – воскликнул Ага. – Попался! Первый из врагов, богатырь нечестивого Урука! Сейчас мы на виду у всего народа сдерём с тебя шкуру!

А жители Урука глазели на всё это со стены. И вот один из них, молодец по имени Забардibunуга – он кравчий, он в застолье подаёт чашу Гильгамешу, – высунулся далеко и даже свесился со стены, чтобы получше разглядеть, как будут рвать на части богатыря Гиришхуртуру. Царь Ага увидел его, сидя на своём престоле, удивился.

– Ну-ка, – говорит, – притащите мне этого дурака, с которого я собираюсь содрать кожу. Эй ты, раб! Вон тот человек, который торчит на стене и глядит на нас огненными глазами, – это кто? Не сам ли Гильгамеш, ваш вождь?

Гиришхуртура, которого рвут и терзают мужи Киша, возглашает в ответ:

– Ну разве же это Гильгамеш, наш вождь! Гильгамеш – это ого! Это воистину муж! Чело его грозно, воистину так! Ярость быка в его глазах, воистину так! Борода его – из лазурита, небесного камня, воистину так! В ладонях несокрушимая сила, воистину так! Если бы он был тут, он разбросал бы твоих людишек, как ветошь, он сдул бы их с земли, как пыль. Он всю твою страну разворошил бы. Стёр бы вас, супостатов, в порошок. У ваших лодок поотломал бы носы! И тебя, Агу, царя Киша, среди твоего войска схватил бы за горло, скинул бы на землю, растоптал бы, как червяка!

Вот что ответил Гиришхуртура царю Аге. Ага разозлился, кричит:

– Рвите его на части! Сдерите с него кожу на глазах всего их народа!

И они принялись рвать и терзать богатыря Гиришхуртуру и перестали обращать внимание на то, что делается на стенах Ограждённого Урука. Они решили, что победа уже у них в кармане.

А тем временем Гильгамеш вышел, поднялся на стену Урука, на самое высокое возвышение. Лоб его нахмурен, весь в морщинах, как кора дуба. Ярость быка в его глазах. Борода его сотрясается, как грозовая туча. Руки он воздел, а в ладонях его силища несокрушимая! Крикнул Гильгамеш зычным голосом:

– Мужи Урука! Стройтесь! Все за мной! Сейчас я сокрушу его, сломаю этого Агу, сверну ему шею, клянусь утробой Инаны!

Вышел он, Гильгамеш, из главных ворот. Он идёт, шаги его как гром, как прыжки небесного быка. Глаза его в ярости, мечут искры. Грудь его вздымается, как море в бурю. Жилы его надулись, вот-вот лопнут. А за ним идут мужи Урука с топорами и копьями, рычат, и кричат, и поют, славят Инану.

Привстал Ага, глядит, спрашивает Гиришхуртуру:

– Вон тот человек, который вышел из ворот Урука, глаза его сверкают, как молнии, это не Гильгамеш ли?

Отвечает богатырь:

– А вот это воистину Гильгамеш, наш вождь!

Как увидели Гильгамеша люди Киша – испугались, задрожали. Услышал Ага зычный рык царя Урука – упал с престола. В великом страхе бегут его люди, сшибают друг друга, мчатся к лодкам, надеются на спасение. Гильгамеш хватает их – одного, другого, третьего, – ломает об колено, рвёт на части, швыряет, как ветошь. Он идёт к лодкам, ломает вёсла, как щепки, кулаком пробивает тростниковые днища. А позади мужи Урука – гремят медью, кричат страшными голосами.

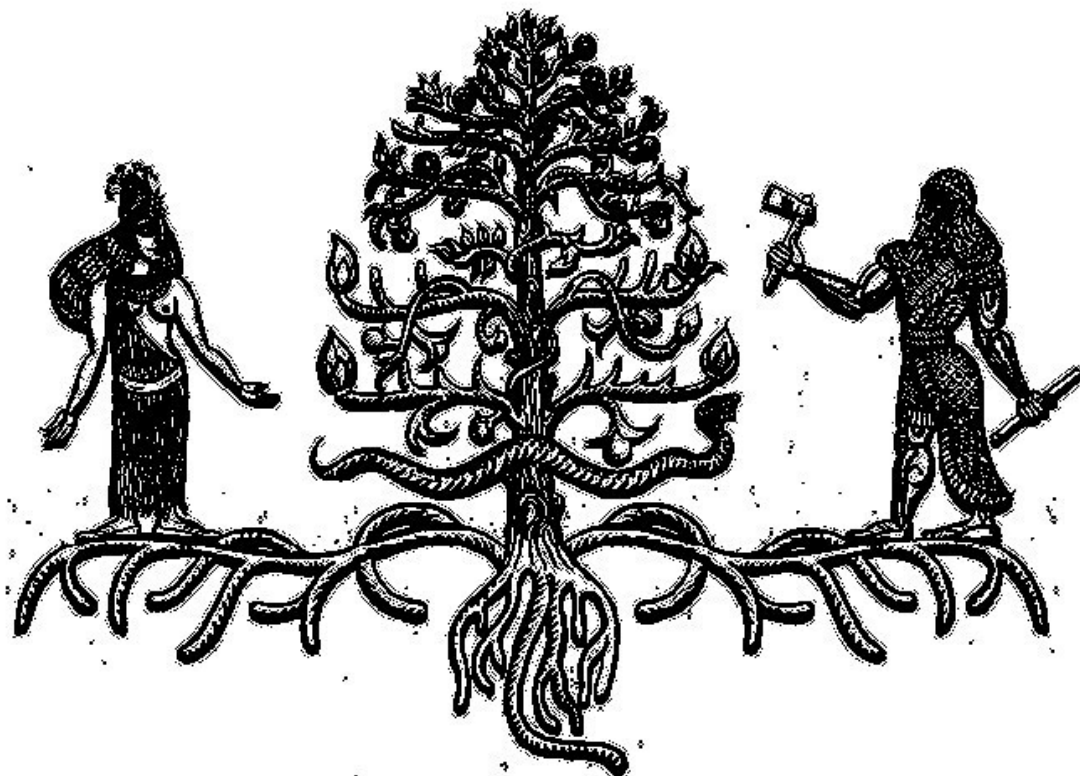
Бросили люди Киша свой лагерь и своего вождя; кто успел – запрыгнули в лодки, выгребают против течения. Кто смог – те убежали, кто не успел – тех мужи Урука продырявили копьями, добили топорами, рассекли на части, отволокли в пустыню, бросили на съедение диким зверям и птицам. И с великой радостью вернулись в Урук.

А царя Агу Гильгамеш поймал, за горло схватил, на цепь посадил, провёл по улицам города:

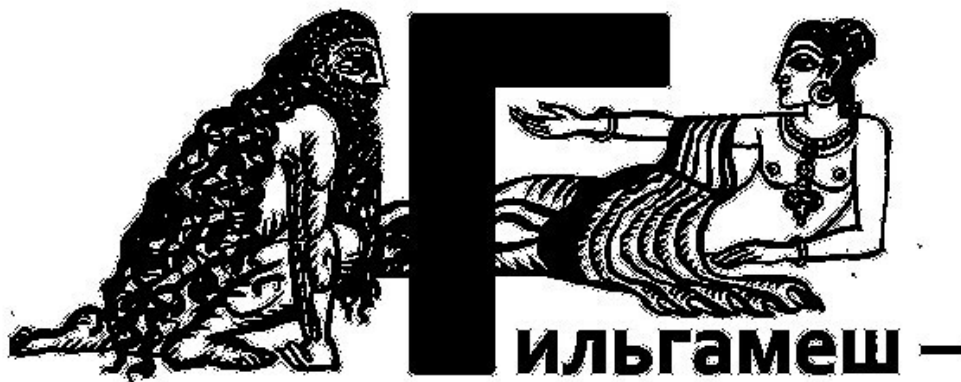
– Ага – новый мой работник,
Ага – сторож у меня.
Ага – старший над рабами,
Ага – чистильщик канав.
Ага, где твои людишки?
Как степные перепёлки,
Разбежались кто куда!
Ага, ты вернул нам радость,
Ты всех нас повеселил!

Подвиги

*Глас Господа, сокрушающего кедры,
и стрьет Господь кедры ливанские.
Псалом Давида 28:5*

Сотворение Энкиду. Гильгамеш обретает друга

Гильгамеш – он на треть человек, на две трети бог.

Он избранный правнук Уту. Его отец – пастух и певец Лугальбанда. Его мать Нинсун – госпожа Дикая Корова, дочь Неба, которую Лугальбанда похитил высоко в горах, путеше-

ствуя в страну Аратта. Они соединились в храме Э-Ана в присутствии богов, и от этого соития родился Гильгамеш.

Он размером больше всех человеков. Он одиннадцати локтей роста. Два локтя – толщина его бёдер, шесть локтей – ширина груди. Его облик прекрасен. Его голова как голова быка. Ноги его как храмовые столбы, шесть локтей. Три локтя его стопы. Руки его как стволы тополя, ладони как медные клещи. Борода у него курчавая, в три локтя длиной, закрывает грудь. Глаза его сверкают, как солнечные блики на воде.

Он – неуёмный. Он построил стену Урука. Он одолел Агу и провёл его на цепи по улицам своего города.

Чего ему ещё надобно?

Он сам не знает.

Днём и ночью он буйствует плотью.

Он окружил себя молодыми буянами, подобными ему. Он проводит с ними дни в военных забавах и играх. Они борются на поединках, а потом часами гоняют шары деревянными колотушками, вырезанными из священного дерева Хулуппу.

Это ещё что, а вот как он проводит ночи!

Он не даёт ни одному жениху войти к своей невесте после свадьбы, а сам вместо него входит к каждой невесте. Или, по крайней мере, пытается это сделать. И ни одна женщина не может пройти по улице спокойно: увидит Гильгамеша и соблазнит. Аж стон стоит в городе: и матери, и дочери стонут от поведения Гильгамеша. В жилищах своих страшатся мужи Урука: девушек он портит, молодым жёнам нет от него прохода. А юношей, добрых молодцев, он отвлёт от полезной работы.

Не оставит матери сына, молодой жене мужа.

Днём и ночью буйствует плотью.

Такой вот он стал ярый и никому не даёт прохода.

Вот как-то однажды приходит Гильгамеш в дом царицы, в Эгальмах, к матери своей Нинсун.

– Я, – говорит, – видел сегодня сон. Я видел, будто стою ночью посреди равнины, а с неба на меня падают звёзды, как камни. И один камень упал – такой тяжёлый! Я его хочу поднять, а не могу; пытаюсь с места сдвинуть – не получается. Тут вокруг собрался народ, люди Урука. Весь народ столпился вокруг камня, дивятся ему, кланяются. Ну, я всё же ухватил этот камень, ташу – и приволок к тебе, положил к твоим ногам. Что бы этот сон значил?

А Нинсун – умная, она дочь бога. Она умеет сны разгадывать.

– Да, – отвечает Нинсун, – как видно, появится у тебя друг, равный тебе. Будет с кем тебе помериться силой. Это хорошо. Может быть, ты наконец угомонишься.

Гильгамеш выслушал и пошёл дальше буйствовать. И ещё бесшабашнее стал колобродить – никому нет от него ни покоя, ни прохода.

Молодёжь вместе с ним веселилась. А обстоятельные люди, жители Урука, взвыли. Они застонали от бесчинств Гильгамеша. И они пошли к его матери, мудрой Нинсун, богине. Они сказали ей:

– Твой сын неуёмный. Днём и ночью он буйствует. Он увёл наших сыновей на игрища, сыновья не помогают нам в повседневных работах. Он соблазняет мужних жён, он портит девушек. Сколько это будет продолжаться? Мы не можем так жить дальше. Ты мудрая богиня, ты зачала этого буяна от храмового беса. Теперь придумай, что с ним сотворить.

Нинсун – умная женщина, богиня. Она подумала- подумала и говорит:

– Вот что. Вы все знаете, какой он. Я ничего не могу с ним поделать. Когда он был непослушный малыш, я давала ему шлепков и затрещин, и то он не слушался. Но не отчаивайтесь. У меня появилась одна мысль. Идите-ка вы в храм, попросите помощи у великих богов. Ска-

жите им, чтобы создали Гильгамешу соперника, такого же, как он, неукротимого. Может, они займутся друг другом и оставят нас в покое.

Так сказала Нинсун, и её слово понравилось мужам и жёнам Урука. Они все вместе пошли в храм, принесли богам жертвы. Они обратились к Ану, к Энлилю, к хитроумному Энки:

– Что нам делать с Гильгамешем? Он юношей наших отвлѣк от работы, он жѣн соблазняет и девушек портит. Если так пойдѣт дальше, некому будет копать каналы и сеять ячмень и пшеницу; некому будет рожать в законном браке. Мы не сможем приносить вам, богам, жертвы, кормить вас. У вас, богов, начнѣтся голод, вы будете терпеть неприятности. И всё из-за неужённого Гильгамеша.

Тут и боги призадумались.

А Нинсун говорит богам, своим братьям:

– Вот что. Позовите Праматерь Аруру, великую Мами, Тиамат. Пусть она сотворит подобного Гильгамешу, такого же, как он, кошмарного. Может, они начнут бороться друг с другом и оставят всех нас в покое.

Это слово понравилось богам. Они воззвали к Праматери:

– Ты сотворила человеков, ты породила богов. Этот ужасный Гильгамеш – твоих рук дело. Создай теперь ему подобного, чтобы они боролись друг с другом и перестали отвлекать людей от служения нам, богам.

Мами, Аруру, великая Намму услышала вопли богов, проснулась, вышла из своей предвечной тьмы:

– Чего вам надобно? Что вы шумите?

– Из-за твоего порождения, Гильгамеша, люди не могут приносить жертвы нам и работать вместо нас. Если так пойдѣт дальше, скоро настанет голод и мы, бессмертные боги, умрѣм. Создай теперь ему подобного, чтобы они замкнулись друг на друге и перестали отвлекать людей от работы.

Аруру подумала и говорит:

– Ладно. Подайте мне воды и глины.

Посмотрела она на высшего из богов, огромного Ана, создала его образ в своём сердце. Умыла водой руки. Отщипнула ком глины, бросила, потоптала, взяла снова, слепила подобие образа, что в её сердце. Энки дунул на него, и он ожил, открыл уста, вдохнул:

– Энки!

Выдохнул:

– Дух!

Этим именем – Энкиду – его и назвали.

Взяли его боги, раскатали и бросили далеко: он упал в густые заросли, в тростники и тамариски в трёх днях пути от Урука.

Так появился на свет Энкиду. Его имя означает «велик Энки».

Энкиду – он вот какой. Он рождѣн из полуночной тьмы, он богатырь царя богов. Всё его тело покрыто густой шерстью. Волосы у него длинные. Он не стрижѣт их, не бреет. Он весь зарос, как ячменное поле. Он спит – не укрывается, он ходит – одежды не носит, от бури и от солнца себя не прикрывает. Он людей не видел, в домах их не был, своего жилища нет у него. Он диким молоком вскормлен. Вместе с газелями он щиплет травку; вместе со зверьѣм тянется к водопою; как скот, водой веселит своё сердце.

И там он стал жить – со зверьми, в степи, на краю пустыни. Он понимал язык зверей и птиц, а те понимали его и слушались. Газели и зайцы, онагры и львы, кабаны и куланы, гуси и куропатки были ему приятелями. И он был сильнее всех людей: сила его как сила льва, кабана, быка и онагра. И вот он живѣт со зверьѣм и со скотами бессловесными и защищает их, не подпускает охотников и пастухов, пугает их страшной своей силищей, добычу от них уводит.

Охотники и пастухи стали обходить стороной те места, где бродит со своим зверьём страшное косматое чудище.

Вот как-то один парень из города Урука, охотник и пастух, пас овец неподалёку от тех зарослей и от того водопоя. А на речке поставил ловушки на всякого зверя и птицу: на газелей, на свинью, на куропаток. И стало ему жарко, и он пошёл к реке. И вдруг видит: кто-то косматый, на человека похожий, стоит на четвереньках близ бережка и ест траву, как вол. Весь он зарос шерстью, но глаза у него человечески.

Испугался пастух, тихо-тихо отполз назад, да и дал стрекача, убежал к своим овцам.

На другой день снова жарко стало. Пошёл опять парень к водопою, опять видит – бродит там человек-зверь, то на четвереньках, то выпрямляется во весь рост. Ходит и смотрит. Увидит ловушку – поломаёт; почует охотничью яму – землю горстями нарост, яму засыплет. А вокруг него газели прыгают. А он с ними разговоры разговаривает на неведомом языке.

Страх прошиб парня, убежал он обратно к стаду.

На третий день сильно припекало, но пастух боялся пойти к воде. А когда солнце начало клониться к западу, разобрало его любопытство, да и пить очень хотелось. И вот он тихо-тихо, осторожненько-осторожненько подкрался к тому водопою, спрятался в тростниках. И видит: вышел из зарослей могучий человек, весь в шерсти, только глазищи сверкают сквозь густые лохмы – потянулся, почесался, сел на траву. Вот прискакали газель с оленёнком и онагрица с жеребёнком, и дикая свинья трусит с поросятами, и он с ними играет, детёнышей на руках таскает, разговоры с ними разговаривает. Навострил ухо пастух, пытается разобрать, о чём они там толкуют, – ничего не понятно, речь неведомая. А тут прибегает львица со львёнком – и туда же, к волосатому чудищу ластится.

У парнишки нашего душа совсем ушла в пятки. Бросился он удирать со всех ног. Примчался к своему стаду, погнал оттуда подальше – половину овец растерял по дороге. Так и вернулся в дом отца своего. Стоит на пороге, будто онемел, сказать ничего не может, лица на нём нет. Тоска проникла в его утробу, как мертвец бледен.

Отец увидел, спрашивает:

– Что ты стоишь, будто онемел? Чего как мертвец бледен? Где твои овцы? Где твоя добыча?

А парень перевёл дух, воды напился и говорит:

– Ух, батя, я такого видел! Просто чудище – не знаю, как я жив остался! Весь в шерсти, бродит у водопоя. Вроде человек, а ест траву, как буйвол. Я вырою ямы – он их засыплет. Я поставлю на зверя ловушки – он их ломает. Из рук моих уводит зверьё и тварь степную. Он мне не даёт в степи добыть добычу.

Тут собрались соседи, у них сыновья тоже пастухи и охотники. Один, другой, третий – говорят то же. Мол, завелось такое чудище, человек не человек, зверь не зверь, не даёт добывать добычу, уводит зверьё и тварь степную, ловчие ямы зарывает, ловушки находит и ломает. Никакой не стало охоты. Как тут быть, что делать?

Отец нашего парнишки выслушал всё это, подумал и говорит:

– Ну, ясное дело, соседи. Надо идти к Гильгамешу. Он – человек могучий, построил стену Урука, победил Агу. И ума у него палата. Пусть защитит нас. Пусть решает, что делать с новой напастью.

Посоветовались они, поговорили, головами покивали и решили:

– Ты, малый, видел чудище своими глазами, ты и иди к Гильгамешу, расскажи ему. У него ума палата и силища – девать некуда. Пусть он нас избавит от новой напасти.

Поплёлся юноша к Гильгамешу. А тот на площадке у стены храма забавляется: гоняет большущий кожаный шар деревянной колотушкой.

– Па Бильга-мес, Уту-пада! Отец наш, победитель, избранный Солнцем! Меня послали к тебе мужи Урука вот по какому делу. Был я тут в степи, пас овец отца моего. И вот что видел:

чудище завелось у водопоя. Весь в шерсти, такой огромный. Вроде человек, а ест траву, как буйвол. И другие охотники про него знают: они изготовят на зверя ямы – он их зароет, они поставят ловушки – он их ломает. Из рук наших уводит зверьё, не даёт в степи добыть добычу.

Гильгамеш ему:

– Что дрожишь? Не бойся. Чудище, по-твоему? А каково из себя?

– Да я ж говорю: огромный, больше всех человек, больше даже тебя. Весь в шерсти, он не стрижется, не бреется – зарос, как ячменное поле. Одежды не носит, от бури и от солнца себя не прикрывает. Вместе с газелями он щиплет травку, вместе со зверьём тянется к водопою. Всю траву он съест, негде будет пасти наших овец. Силы он непомерной, никого не боится, звери его слушаются.

– А не врешь ли ты? А то, бывает, у страха глаза велики.

– Клянусь чреслами отца! Клянусь утробой матери! Да я сейчас позову соседей, они скажут!

Побежал парень, привёл соседей, свидетелей. Все они говорят Гильгамешу:

– Правду он тебе поведал. Завелось такое диво, не даёт нам в степи охотиться, совсем лишило нас добычи. Ты всё можешь, ты умный и сильный, пойдя прогони его или убей! Тебе же всё равно делать нечего.

Гильгамеш подумал и им отвечает:

– Ну, убить – дело нехитрое. Нет, мы по-другому поступим. Больно интересно мне, что это такое нам послали боги. Может быть, это тот самый, равный мне, которого для меня они сотворили? Ступайте, я разберусь.

И вот что Гильгамеш придумал. Вечерком он пошёл в храм к Инане. Там находит одну такую женщину по имени Шамхат, что значит «великолепная». Эта великолепная такая женщина – она Ишхара, святая блудница, спутница Инаны. Она живёт в храме, её дело – любовное соитие.

Вот они пошептались, Гильгамеш с Шамхат. Гильгамеш придумал ей работу во имя Инаны. Дал он ей поручение: пойти и соблазнить Энкиду.

– Пойди ты к нему, ведь он женщины не видел. Встань перед ним, открой ему свою красоту, привлеки к себе, дай ему наслаждение, как ты умеешь. Отдаст он тебе своё дыхание, потеряет силу, перестанет быть зверем, станет человеком.

Позвал и юношу-пастуха, приказал ему:

– А ты укажи ей путь туда, где это видел. Она знает, что делать.

Шамхат, недолго думая, собралась, умылась, умастила тело маслом и благовониями и затемно отправилась в степь. Три дня она шла и пришла к тому месту, где пастухи видели косматого Энкиду. Там она спряталась в тростниках – смотрит, ждёт. День ждёт, ночь ждёт, ещё день ждёт. Три дня и три ночи ждала притаившись.

Край солнца высунулся из-за горизонта, первые лучики заиграли на листве. Зашебетали, зашевелились птицы в прибрежных зарослях. Потянулись к водопою звери: газели, онагры, дикие свиньи. Выбрался из дебрей косматый Энкиду. Попил воды, сел на травку, потягивается.

Тут вышла Шамхат, великолепная, из своего укрытия. Вышла, стала напротив Энкиду, сняла с себя все свои одежды. Глазеет на неё Энкиду, ничего понять не может, такого чуда никогда не видел. Он ведь никогда не видел женщин. А она то так повернётся, то эдак; она то так, то сяк посмотрит. Волосы у неё чёрные, она их свивает и развивает. Грудь у неё полная, тело округлое, приятное, ноги стройные, пальцы тонкие. Вся она так и благоухает, так и светится в лучах восходящего солнца.

Обалдел Энкиду, глядит на неё, не знает, что делать.

А она к нему тихонько подошла, она его не боится. По голове, по шерсти погладила мягкой ладонью. За ручищу взяла, лапищу его к своей груди поднесла, по своему телу его косматой лапой провела раз, другой, третий. От её тела исходит благоухание.

Совсем одурел Энкиду, ничего подобного никогда не знал, не чуял. Облапил он Шамхат, сгрёб в свои мохнатые объятья, бегает по поляне, женщину на руках таскает. А что дальше делать с ней – не догадывается.

Ну, Шамхат, она ученица Инаны, её дело – любовное соитие. Она Энкиду по голове погладила, на траве мягкое покрывало, свою одежду, расстелила, чудище косматое уложила, сама улеглась рядом, священную повязку-дида развязала, с себя сняла.

И начали они любовное соитие. Стал познавать Энкиду женщину Шамхат.

Час познавал Энкиду Шамхат. Три часа познавал. День познавал и ночь познавал. Двое и трое суток познавал Энкиду Шамхат. И так, без остановки, без усталости, семь дней и семь ночей познавал Энкиду Шамхат. Восьмой день настал – только тогда утомился Энкиду, оставили его силы, сел он на травку.

– Где, – говорит, – мои звери, газели, куланы, онагры с детёнышами? Где мои свинюшки с поросятами, львицы со львятами? Идите сюда, я хочу играть с вами!

Глядь – а звери-то разбежались, одна свинка осталась с поросятами – в глине у бережка завязла. Выкарабкалась – и с хрюканьем убежала вместе с выводком.

Он зовёт зверей – а они дальше от него убегают, слов его не понимают.

Он за ними вдогонку – а силы-то его оставили, не может он со зверьём бегать, не может, как газели, скакать, как львица, прыгать.

Вот что получилось: как познал Энкиду женщину, отдал ей своё дыхание, так и перестал быть зверем, лишился хитрости и силы звериной, язык их перестал понимать. Сделался Энкиду человеком.

Он сидит горюет. А Шамхат его утешает:

– Не горюй, чудище моё лохматое, не о чем горевать. Не будешь ты, как прежде, со зверьём бегать, не будешь жёсткой травой питаться. Зато ты приобрёл разум, сделался человеком.

Перестал Энкиду плакать, сидит у ног женщины- блудницы, а она его по шерсти гладит. Смотрит он ей в глаза, слушает её тёплый голос. А она ласково так продолжает:

– Ты красивый, Энкиду, ты большой и сильный, прямо-таки богам подобный, никогда у меня такого не было. Зачем тебе со скотиной в степи бродить? Пойдём со мной к людям. Я отведу тебя в Урук, Овчарню Инаны, в светлый храм. Я тебя угощу мягкой пищей, напою приятным напитком, который веселит сердце, одену в нежные одежды.

Слушает Энкиду – и млеет. Понравились ему речи Шамхат, да и сама Шамхат очень ему приятна. А она продолжает свою песню:

– Пусть люди тебя, красавца, увидят. Пойдём, Энкиду, в наш город. Там хорошо: там молодцы щеголяют богатой одеждой, там каждый день какой-нибудь праздник. Там весёлые красавицы ходят в ярких браслетах и бусах, возбуждают в таких, как ты, вожделение и радость. С ними не соскучишься, всю ночь спать не будешь. Ты, Энкиду, ещё не знаешь жизни, пойдём со мной.

Загорелись глаза у Энкиду. А женщина не даёт ему задуматься:

– Там есть такой Гильгамеш – тебе ровня. Почти такой же, как ты, могучий человек, неуёмный. Вот уж мужчина так мужчина: силач и буйвол, одиннадцать локтей ростом, и всё его тело наполнено страстью. Силой он с тобой померится, может, и посильнее тебя будет.

Тут уж Энкиду не выдержал, взыграло ретивое.

– Ладно, – говорит, – согласен. Веди меня к светлому твоему дому, напои весёлым питьём. Я согласен.

Блудница своё покрывало разорвала надвое, одной половиной одела Энкиду, другой сама прикрылась. Встали они и пошли вместе в город. А Энкиду шагает и бормочет про себя:

– Давай, веди. Посмотрим, какой это там Гильгамеш, силач и буйвол, – хвастается своей силой! Я крикну по- богатырски посреди Урука, вызову его на поединок. Потому что только я

могучий, только я изменяю судьбы! Кто в степи рождён, диким молоком вскормлен, со зверьми жил, травой питался, у того велика сила!

Пришли к стойбищу пастухов. Те смотрят во все глаза на диковину, но уже не боятся, не убегают. Только перешёптываются: «Глянь, какой огромный! силач!» Шамхат попросила у них хлеба, дала Энкиду. Он никогда хлеба не пробовал, она его научила есть по-человечески. Дали им пастухи хмельного напитка, выпили Шамхат и Энкиду, развеселились, встали, пастухам доброго дня пожелали и отправились дальше.

Так они шли и шли и на третий день добрались до Урука.

А Гильгамешу опять приснился сон. Пришёл он к матери, к Нинсун, рассказывает:

– Видел я, будто посреди нашего Урука лежит большой медный топор. И все люди сбегались, вокруг стоят, глазают – и воины, и нищие, все толпятся, а взять в руки никто его не может. Вот я подошёл, взял топор этот, принёс к тебе, положил к твоим ногам. Что бы такой сон значил?

Нинсун, богиня, подумала, отвечает:

– Как видно, идёт к тебе соперник и друг. Будет с кем помериться силой.

Только она это сказала – раздался шум, гам, побежал народ по улицам. Что такое? Это Шамхат привела в город диковинного человека – он весь в шерсти, огромный, в общем, тот самый Энкиду.

Посреди Ограждённого Урука, посреди Амбара Инаны, собралась толпа: мужчины, женщины, ребятишки, даже старухи притаились, все обступили Энкиду, разглядывают его. Кто посмелее – тот норовит потрогать. Какой большой! Какой волосатый! Какой кряжистый! Видно, в самом деле в степи травой питался, с дикими зверями бегал, диким молоком вскормлен. Только к вечеру все уgomонились. Шамхат, служительница Инаны, увела гостя в светлый дом богини.

У Шамхат, великолепной Ишхары, там своя горница; в горнице ложе, устланное мягкими шкурами, льняными тканями. Ведёт она своего нового друга напрямик к себе в горницу. Только зашли, ещё возлечь не успели – вдруг гул пошёл по всему дому, будто колотушками лупят по глине. Это могучий Гильгамеш шагает: он спешит к Ишхаре на ложе. Уже подошёл к порогу, ногой в дверь ударяет – чуть было не вышиб тяжёлую дверь... Да не тут-то было: навстречу Гильгамешу выходит Энкиду, на порог стал, преградил дорогу.

– Отойди! – рыкнул Гильгамеш. – Тут моё место!

– А ты кто такой? – в ответ ему Энкиду.

– Пропусти! Это моё!

– Твоё? Ну так возьми! Покажи силу!

– Возьму! И тебя, косматого зверя, на одну ладонь положу, другой прихлопну.

Схватились они, стали бороться.

Пыль столбом, стены трясутся. У обоих борцов жилы набухли, мышцы налились красной медью, глаза навывкате. Рычат, тяжело дышат, друг друга ломают – ни тот ни другой одолеть не может. Час борются, два борются. Наконец ухватил Энкиду Гильгамеша за ляжку, на плечо навалился, на одно колено поставил.

А сил уже нет у обоих.

Уgomонились, отдышались.

– Ну, – говорит Гильгамеш, – хоть ты и не победил, но ты сильнее меня. Я думал, что нет мне равного, а теперь вижу: есть. Будь мне другом: куда я, туда и ты, куда ты, туда и я.

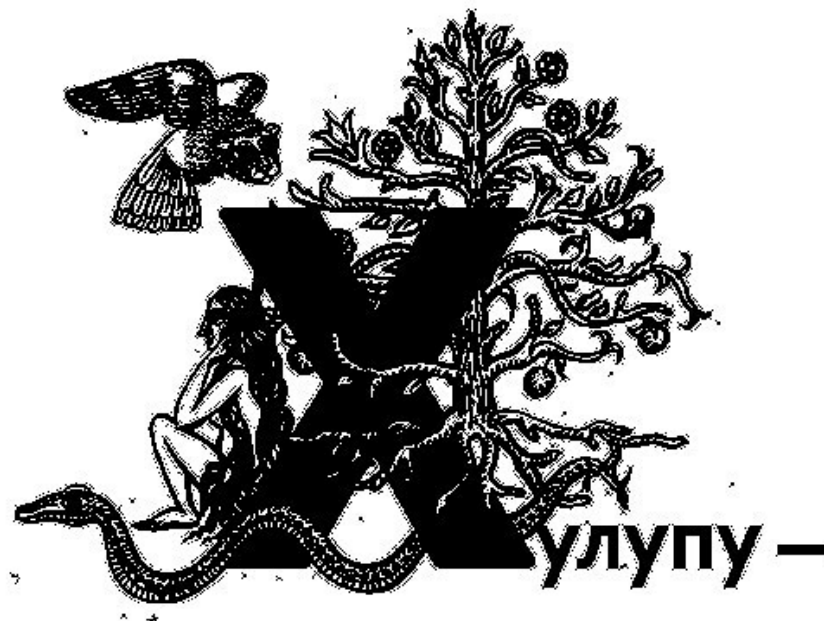
Обнялись они, помирились, и пошли они в дом царицы, в Эгальмах, к матери Гильгамеша, к мудрой Нинсун. Говорит ей Гильгамеш:

– Вот мой друг, которого прислали боги. По всей земле ищи – не найдёшь человека сильнее его. Он одолел меня, смирил моё буйство. У него сила – как у небесных воинов Ана. Нет у

него ни отца, ни друга. Он никогда не стриг волосы, он в степи вырос, диким молоком вскормлен, ему нет равных. Благослови его быть мне братом.

Буйволица Нинсун благословила их, и они стали как братья.

Дерево Хулуппу, Гильгамеш, Энкиду и подземный мир

Хулуппу – такое дерево. Не тополь, не ива, не самшит. Даже не кедр.

В те времена, когда небо простёрлось над землёй, вот когда;
когда земля легла под небом, вот когда;
когда Ан с собой небо унёс, вот когда,
а Энлиль себе землю забрал, вот когда;
когда Энки подземными водами поплыл, вот когда, —
тогда, в те предначальные дни, выросло это дерево.

Единственное такое – дерево Хулуппу. Оно выросло на берегу Евфрата Чистого. Оно пьёт воды Евфрата.

И вот в те времена Энки поплыл подземными водами. Он плывёт в лодке. Он – господин этих берегов. Вот к нему, к господину, меньшая братия кидается. К нему, хозяину, великие припадают. Меньшая братия – речные камушки, над которыми тростники колышутся. Великие – камни с гор, огромные камни, от которых берега сотрясаются. Вокруг лодки они кружатся, как мелкая рыбёшка. Перед носом лодки бежит волна, как стая волков, всё пожирает. За кормой буруны, словно львы, рычат, свирепствуют.

В то самое время одно-единственное дерево Хулуппу росло на берегу Евфрата. И вот ветер южный, буйный, налетает, ветви дерева ломает. От лодки Энки волна набегают, с корнем его вырывает. Евфрат течением его уносит.

Тогда женщина-богиня огорчилась, что пропало такое чудное дерево. Она с Ан-Небом советуется, Энки-царь с ней соглашается. И она идёт вдоль берега чистого Евфрата, находит дерево Хулуппу, берёт его в руки, приносит в Урук, в свой дом, в Э-Ану, в цветущий свой сад, и там его сажает.

Эта женщина – светлая Инана.

Много лет богиня, рук не покладая, за деревом ухаживает, глаз с него не спускает, ветки подрезает, корни поливает. Обихаживает она дерево, а сама мечтает:

– Вот вырастет это дерево, не тополь, не ива, не самшит, не кедр – дерево Хулуппу. Вырастет, станет толстым и прочным. И я сделаю из него себе удобное сиденье. И смастерю

из него прекрасное ложе. Ну когда же, ну когда я на престол великолепный воссяду? Когда на ложе великолепное возлягу?

Дерево росло-росло – и выросло. Стало толстое и прочное, кору его не прорубить, ствол не расколоть. Вымахало высокое, вершину его не разглядеть. В земле распространилось, корни его не выкорчевать. В корнях его выкопала нору большая змея, которая не боится заклинаний. В ветвях птица Анзуд гнездо свила, вывела птенцов. А в самой сердцевине дева Лилит жилище себе устроила. Дева Лилит белозубая, сердце беззаботное. Она то поёт, то плачет, Инане спать мешает.

Всю ночь Инана глаз сомкнуть не может.

На рассвете небосвод озарился, в саду защебетали птицы, вышел из своих покоев Уту-Солнце. Сестра его светлая Инана побежала к нему жаловаться:

– Братец, братец! В безначальные дни, когда Ан небо унёс, когда Энлиль на земле воцарился, когда Энки в подземный дом поплыл, вот когда, – в то время росло дерево Хулуппу на берегу Евфрата. И вот ветер южный налетает, ветви дерева ломает, волна набегаёт, с корнем его вырывает, Евфрат течением его уносит. Я ходила берегом Евфрата, искала дерево Хулуппу, нашла его, принесла в свой дом, в цветущий свой сад. Там его посадила, много лет за деревом ухаживала, глаз с него не спускала, ветки подрезала, корни поливала. Всё мечтала: вот вырастет это дерево, станет толстым и прочным. И я сделаю из него себе удобное сиденье, смастерю из него прекрасное ложе. Вот прошли годы, выросло дерево. Гляжу: в корнях выкопала нору змея, в ветвях птица Анзуд гнездо свила, а в сердцевине Лилит-дева поселилась – то ли поёт, то ли плачет, мне спать мешает. Избавь меня от этой напасти!

Посмотрел Уту-Солнце на сестру, посмотрел на сад цветущий, где растёт дерево Хулуппу, – ничего не сказал, полетел дальше своим путём под небом.

Тогда пошла Инана светлая в свой дом, в Э-Ану. И видит: Гильгамеш могучий, жрец Кулаба, в ворота входит. Поспешила она к Гильгамешу, жалуется:

– Гильгамеш, братец могучий, сын Дикой Коровы! У тебя голова как у быка, у тебя грудь шесть локтей шириной, у тебя борода в три локтя длиной! У тебя ноги как тополи, у тебя ладони как медные клещи! Помоги мне, бедной, защити меня, светлую! В безначальные дни, когда Ан небо унёс, когда Энлиль на земле воцарился, когда Энки в подземный дом поплыл – в то время росло дерево Хулуппу при Евфрате. И вот ветер южный налетает, ветви дерева ломает, волна от лодки Энки набегаёт, с корнем дерево вырывает, Евфрат течением его уносит. Я ходила берегом Евфрата, искала дерево Хулуппу, нашла и принесла в свой дивный сад. Там его посадила, за деревом ухаживала, глаз с него не спускала, ветки подрезала, корни поливала. Всё мечтала: вот вырастет дерево, я сделаю из него себе удобное сиденье, смастерю из него прекрасное ложе. Прошли годы, выросло дерево. Гляжу: в корнях выкопала нору змея, в ветвях птица Анзуд гнездо свила, а в сердцевине Лилит-дева поселилась – то ли поёт, то ли рыдает, мне спать мешает. Я, светлая Осанна, потеряла покой. Помоги мне, Гильгамеш, светлой Осанне!

Гильгамеш – её родственник, на сетования откликнулся.

– Не печалься, светлая Инана, ступай в свою опочивальню. Я твоему горю помогу.

Подпоясался он медным поясом в талант¹ весом (ему ведь талант – всё равно что пушинка). Взял медный топор, своё оружие походное, а топор-то весом пять талантов с четвертью. Вступил в цветущий сад Инаны, подошёл к дереву Хулуппу. Видит: меж корней извивается змея, которая не боится заклинаний. Он её поймал, топором надвое перерубил. Наверху, в гнезде, птица Анзуд это увидела, испугалась, птенца своего схватила, крыльями взмахнула, с клёкотом улетела далеко-далеко, в горы, что на востоке. Из сердцевины дерева выскочила

¹ Талант – мера веса, см. примеч. ниже.

девица Лилит, закричала, зарыдала, убежала от Гильгамеша куда глаза глядят – с тех пор её никто в Уруке не видел.

А Гильгамеш махнул топором, дерево повалил, корни его разрубил, ветви его расщепил.

Прибежали сограждане, люди Ограждённого Урука, ветви дерева распилили, раскололи. Гильгамеш из ветвей собрал для чистой Инаны сиденье, из ствола смастерил для неё ложе. А из корней себе сделал волшебный шар Пукку, а из мелких веток волшебные палки Микку. Шар на середину улицы выкатывает, палками по нему лупит, подгоняет. Грохот стоит по всей главной улице Урука. Молодые парни, вдовьи сыновья, прибежали, стали шар палками катать, с Гильгамешем играть. С криками и воплями без устали по всей улице и по площади бегают и скачут. День скачут, ночь буянят – и на следующий день и ночь то же.

Загоревали жители Урука. Нет им покоя от Гильгамешевых игрish, от деревянных коло-тушек. Матери-вдовы сыновей не видят, плачут, сёстры братьев жалеют:

– Отобрал у нас Гильгамеш наших братьев, матери- вдовы лишились последней опоры. Все они с Гильгамешем играют, шар из волшебного дерева катают, палками стучат. Братья наши отдают свои силы волшебному дереву. Не успевают матери сыновьям пищу приносить, замучились мы братьям воду подавать. И нам нет покоя ни днём ни ночью. Бедные мы, несчастные!

И так они плакали, что наплакали посреди Урука целое озеро. Солёные слёзы землю размыли, образовалась дыра. В эту дыру упали волшебные колотушки Микку, да и шар Пукку туда же скатился. Провалились глубоко- глубоко – в подземный мир.

Выбежал Гильгамеш из своего дома, смотрит – палок-то и нет, и шара. Заглянул в дыру, смотрит-смотрит – вон они лежат глубоко-глубоко, у ворот подземного царства. Хотел было их достать, руку тянул-тянул – не дотянулся, ногой искал-искал путь – не достал до дна.

Разгневался Гильгамеш, расстроился, аж позеленел от горя.

– Ах мой шарик-мячик из дерева Хулуппу, ох мои палочки! Игрой с ними я не насытился, стуком и громом не наслаждался! Если бы вы, деревяшки, лежали бы сейчас в мастерской плотника, то я бы жену плотника полюбил бы как мать родную, дочь плотника как родную сестру приголубил! Мои драгоценные вещи провалились глубоко, в подземный мир. Кто мне их вернёт, кто достанет?

Громко стенает Гильгамеш. Услышал Энкиду, пришёл на вопли друга:

– Господин мой дорогой, что ты так горько плачешь, своё сердечко пустяками печалишь? Подумаешь, какое горе! Я для тебя, для друга, спущусь в эту яму, в преисподнюю. Пукку твой тебе верну – это мне нипочём. Твои драгоценные палочки из подземного чертога Ганзир я тебе достану, ей-богу!

Гильгамеш перестал рыдать, задумался.

– Раз уж ты в подземное царство собираешься спуститься, я тебе дам совет, а ты хорошенько послушай. К моим словам обрати свой разум! В светлую одежду не облачайся – а то *они там* тебя примут за скитающегося духа. Свежим жертвенным маслом не натирайся – на его запах *они* слетятся. Копьё с собой в подземную ограду не вноси – не то принявшие смерть от копья все вокруг тебя соберутся. Кизилковый посох не бери в свою руку – духи мёртвых тебя обнаружат и схватят. Обувь не надевай на ноги – нельзя шуметь в подземном мире, надо ступать беззвучно. Перед дорогой не целуй жену свою любимую, не бей жену нелюбимую, не целуй дитя своё любимое, не бей дитя нелюбимое. А не то вопли подземной тьмы тебя оглушат, привратники тебя силой во дворец затащат. У той, что лежит там, в покое Ганзира, у матери бога Ниназу, у той, что лежит на золотом ложе в сердцевине подземного чертога, у неё бедра прекрасные не покрыты полотняной одеждой, её белая грудь льняной накидкой не прикрыта, её голос звенит как красная медь. И волосы у неё как солома, она их граблями расчёсывает. Она тебя схватит, с собой положит.

Но Энкиду гордится своей силой. Он дружеского совета не послушал. Натёрся свежим жертвенным маслом из каменного сосуда, облачился в светлую одежду, на ноги надел тяжёлую обувь. Перед дорогой любимую жену облобызал, нелюбимую стукнул; дитяtko любимое приласкал, нелюбимому дал затрещину. В одну руку взял кизилóвый посох, в другую – копьё. Он спускается в Нижний мир, перед собой копьё бросает, прямо в ворота Ганзира. Он шумит, гремит, трещины от его шагов расходятся по преисподней. На запах масла слетаются подземные духи, гомонят: «Лови, держи его, духа-скитальца!» Принявшие смерть от копья все вокруг него собираются, подземные воины его хватают, тащат в покои царицы мёртвых. А она лежит на ложе, у неё лоно не прикрыто полотном, на плечи льняная одежда не накинута, титьки торчат, будто сосуды для благовоний. Её голос звенит как красная медь. А волосы у неё как солома, она их граблями расчёсывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.